

ИДЕОЛОГЕМА «НОРМАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО» – ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Станислав Федорин
Санкт-Петербург, Россия

Идеологема «нормальное государство» получила широкое распространение в современности, в том числе в странах Восточной Европы. «Нормальное государство» – лозунг прежде всего политики либерального толка. «Норма» может пониматься в двух смыслах, которые могут смешиваться. Во-первых, как нечто среднестатистическое. Во-вторых, как предписание. «Нормальность» – это попытка психологически воздействовать, использовать страх предстать «ненормальным». Риторика нормальности переводит разговор из плана теоретического обоснования, в план морального осуждения. Идеология «нормального государства» опирается на атомистическую онтологию. Идеологема «нормальное государство» близка к «политике ценностей» и идеалистической эпистемологии. Недостатком является недооценка объективной детерминации социальных процессов.

Ключевые слова: Нормальное государство. Идеологема. Атомизм. Политика ценностей. Реальная политика. Концептуальный каркас.

Использование идеологемы «нормальное государство» в Восточной Европе. Выражение «нормальное государство» широко распространено в политической риторике современности. Причем о нормальном государстве говорят часто именно в странах Восточной Европы: Беларуси, России, Украине, Молдавии, Болгарии, а также в Эстонии, Грузии и т.д. Это выражение стало привычным. Оно несет смысловую нагрузку, о которой можно сказать, что она достаточно понятна адресатам и позволяет выполнять функцию, возложенную на нее адресантами. Его использование характеризуется уверенностью в ясности смысла. Тем не менее едва ли можно сказать, что имеется сколько-нибудь внятная концепция или традиция рассмотрения этого понятия в теоретическом плане. В эпоху интернета несложно встретить в сети разнообразные рассуждения на тему «что такое нормальное государство», но это происходит без привлечения и упоминания источников. В целом можно констатировать, что обращение к идее «нормального государства» имеет не теоретический, но риторический характер.

Мы считаем правильным квалифицировать это выражение как типичную «идеологему». В соответствии с наиболее распространенным способом определения данного термина, тут «отсутствует строго определенное значение» и, несомненно, имеется выраженная «эмоциональная окрашенность». Далее нельзя не зафиксировать

также нацеленность на «управление массовым сознанием». Этой задаче служат свойства «легкости запоминания» и «сознание иллюзии понимания».

Два смысла нормы: как среднее и как норматив. Согласно уже словарным разъяснениям, «норма» может принципиально пониматься, по крайней мере, двояко. Во-первых, как нечто фактически общее – по отношению к чему могут иметься отдельные отклонения. Например, языковая или психическая норма. Во-вторых, как заданное правило, норматив. В таком случае вовсе не обязательно, чтобы норме соответствовало большинство относящихся к делу случаев: например, норматив на спортивный разряд, выполнить который могут отнюдь не все.

Риторика, используя апелляцию к «нормальности», по-видимому, задействует возможность скрытого перехода от одного смыслового полюса к другому. Обращение к смыслу нормы как к среднему, позволяет дать почувствовать дискомфорт опасения предстать «белой вороной». Вместе с тем то, что имеется в виду под «нормальным государством» никак не может считаться чем-то среднестатистическим в современном мире, так что «норма» используется также в значении «норматива» и даже «идеала». Незаметный переход от одного смысла к другому позволяет поддерживать адресата в состоянии специфического напряжения, вследствие его стремления выполнить невыполнимое требование. Данный эффект, известный как «двойное послание» («дабл байнд»), открывает возможность скрытого контроля над ситуацией.

Идеологическая принадлежность риторики нормальности. Что касается вопроса, какой именно идеологии принадлежит данное выражение в качестве элемента, то нет нужды отвечать на него однозначно. Нет оснований считать, что некоторое понятие должно иметь исключительную важность лишь для одной какой-то системы взглядов, очевидными примерами чему являются «справедливость», «добро», «народ», «демократия», «свобода» и т.п.

Тем не менее, можно утверждать, что «нормальное государство» – лозунг прежде всего политики либерального толка. Нет нужды доказывать, что значительные симпатии в современности привлекают западные либеральные общества. Их справедливо можно считать наиболее благополучными и «обустроенными» (термин Дж. Ролза). При этом необходимо подчеркнуть, что высокая оценка достижений западных демократий отнюдь не для всех случаев означает автоматическое согласие считать данную модель универсально применимой.

Страх выглядеть белой вороной. Надо отметить, что «нормальность» к которой происходит апелляция – это попытка психологически зацепить адресата, сыграть на специфической эмоции страха предстать «ненормальным», «белой вороной». В самом деле, представитель любых политических взглядов, будь то либерал, фашист или коммунист, вряд ли захочет выглядеть странным в приличном обществе, скажем, делать неправильные ударения в словах, иметь неряшливый внешний вид и т.п. Для иллюстрации можно указать случай, когда в 2007 году президент Всемирного банка Пол Вулфовиц, будучи вынужден снять обувь перед входом в мечеть, обнаружил дырки на обоих носках. Несмотря на, казалось бы, незначительность повода, эта история вызвала большой резонанс.

Нормальность, к которой отсылает эпитет «нормальный» применительно к государству, преподносится как нечто элементарное, само собой разумеющееся, сомневаться в чем не может приличный человек. Это не некая конструктивная содержательная характеристика, но завуалированный призыв присоединиться к некоторой образцовой группе, клубу джентльменов, который по смыслу неизбежно противопоставляется неопределенному множеству неудачников.

Для риторики нормального государства центральным можно считать следующий важный пункт: тех, кто не принимает точку зрения такой нормальности, предполагается считать не оппонентами, не теми, кто исповедует иные принципы, заслуживающие рассмотрения и обоснования. Не относящиеся к «нормальным» – это, собственно, «ненормальные», т.е. патологические субъекты.

Моральное негодование как следствие отказа от причинного объяснения. «Нормальность» подразумевает, что не воспринять ее требований могут только злоумышленники или недоумки. Позиция таковых не нуждается в объяснении, ибо тут имеет место не ошибка, не заблуждение. Противники заведомо исключаются из числа вменяемых или ответственных субъектов, притом исключение не обременяет себя обоснованием, довольствуясь жестом выражения брезгливости. Риторика нормальности имеет то специфическое удобство, что автоматически переводит разговор из плана теоретического обоснования, в план морально-осуждающий, негодующий. Моральное негодование – ракурс рассмотрения, комфортный как для массового сознания, так и для тех, кто стремится им манипулировать.

Онтология риторики нормальности: атомизм vs. холизм. Интересующая нас идеологема подразумевает определенную онтологию. Под онтологией вообще, учением о бытии, тут имеется в виду основополагающие представления о том, что существует в подлинном смысле. Т.е. к какого рода окончательным сущностям может и должно быть сведено все многообразие явлений. Онтология нормальности состоит в «кумулятивном» понимании сущего как совокупности, суммы отдельных сущностей, которые принципиально независимы друг от друга и несводимы к общему знаменателю. Вместе с тем, в отношении независимых сущностей могут применяться некоторые общие рубрики, происхождение которых вполне внешне к самим этим сущностям. Такую онтологию уместно квалифицировать, в соответствии с античным образцом, как атомистическую. Именно на атомистическую онтологию опирается идеология «нормального государства».

Сразу нужно отметить, что атомистическая онтология имеет «свое другое» в лице онтологии, которая может быть условно обозначена как «холистская». С таковой мы имеем дело, когда сущее в его многообразии истолковывается как результат уже не сложения, а деления некоторого первоначала (принципа). Притом деление имеется в виду не в смысле «на части», а в смысле (скорее) логическом: на роды, виды, подвиды и индивиды. При таком подходе нормальным выступает как раз «среднее». Например, сортировка некоторой продукции выделяет рубрики по качеству: высокое, менее высокое, низкое, брак.

Атом как не подлежащее объяснению. «Неделимость» атома – это не столько пространственная нераздельность, сколько способ выражения «необъяснимости». С атомизмом имеем дело тогда, когда некоторая сущность признается окончательной, не допускающей дальнейших толкований.

Возникновение и существование сущностей в атомистической онтологии представляются как само собой ясное статус-кво, относительно которого не нужно задавать лишних вопросов. В интересующем нас случае проблематика возникновения некоторого государства трактуется преимущественно только как имеющая внутреннюю обусловленность (культурная солидарность и т.п.). Влияния межгосударственного характера, детерминация уровня глобального целого не рассматриваются как существенные.

Произвольность сущностей, принимаемых за неделимое. Надо отметить, что за «атом» в каждой конкретной концепции (идеологии) принимается то или иное сущее в зависимости от определенных намерений автора. Так, в националистической идеологии атомами выступают нации, а человеческие индивиды третируются как лишь некая неизбежная принадлежность национального целого. Индивидуалистическая же идеология может не останавливаться на собственно человеческих индивидах, как окончательном уровне анализа, и производить дальнейшее выделение, например, мужских и женских индивидов, рассматривая их как исходные данности, несводимые к общей рубрике («отдельные мужчины и женщины» в получившей известность формулировке М.Тэтчер). Атомизм останавливается в делении действительности и ставит точку в обосновании там, где находит нужным. Разные версии атомизма могут вполне конфликтовать друг с другом, притом вполне даже противостоя друг другу как особые версии атомизма и холизма.

Гносеология риторики нормальности и «политика ценностей». Помимо рассмотренной онтологической схемы, идеологема нормального государства имеет в основании некоторый специфический способ рассуждения о происходящем. Дело идет об определенном типе мышления достаточно значительной степени основательности, поэтому в дополнение к онтологическому аспекту уделим внимание гносеологическому ракурсу интересующего нас идеологического феномена.

Выше утверждалось, что риторика «нормальности» переключает рассмотрение явлений с плана теоретического в план морально-оценивающий. В последние годы в политических выступлениях, зачастую весьма высокого уровня, позиция морального подхода получила обозначение как «политика ценностей» (противопоставляемая «политике интересов» или «реалполитик»). Трактовка государства как нормального неминуемо тяготеет к именно «политике ценностей», даже если сначала это выражено не в чистом виде. Верно и обратное: «политика ценностей» имеет «нормальное государство» в числе своих идеологических средств.

Ценности в данном контексте понимаются как возвышенные цели, относительно которых предполагается само собой ясным, что они не служат ничьим интересам. Способность ориентироваться на ценности – это способность встать выше какой-либо корысти, это приверженность идеалам, «идеализм». Высшие ценности – подразумевается – не связаны ни с какой определенной группой, представляющей некоторую традицию. Поэтому, ценности – нечто принципиально общечеловеческое.

Конечно же, о национальных или даже религиозных ценностях также приходится слышать. Однако это звучит натянуто. Надо сказать, что те или иные особые культуры, уклады, традиции не исключаются и даже приветствуются в рамках дискурса ценностей. Однако только в том случае, если они не противопоставляют себя общечеловеческим и более того – занимают специально отведенное им место в системе нормативов, претендующих на универсальность. В этом случае субъектам не только не возбраняется принадлежать какой-то собой культурной традиции, но скорее даже неодобрительно воспринимается отказ от такого рода принадлежности. Как нечто получившее одобрение от всеобщего, особое не отрицается, но даже трактуется как нечто обязательное. Ведь без особых групповых «ценностей» как подчиненных, сфера общечеловеческого сталкивается с серьезными проблемами, обнаруживает пустоту содержания и как бы повисает в невесомости.

Возвышение над всем частным, особым и приверженность чистым ценностям предполагается в качестве характеристики и признака зрелости субъекта. Тут важно, что поведенческая стратегия отдельного человека трактуется как следствие его субъективного мышления. Оно оценивается по системе «ценностей», среди которых высшее место занимают «чистые» ценности, ценности как таковые, от которых получают санкции ценности каких-то традиций, групп, связанные с интересами. Принятие тех или иных ценностей – высших или низших – личная заслуга или вина субъекта, проявление его свободы воли. Какие-то причины приверженности той или иной системе ценностей могут иметь место, но влияние этих причин – ничто в сравнении со способностью субъекта свободно встать на сторону добра или зла.

Системы ценностей – в этой гносеологической позиции – формируются в зависимости от личностной развитости субъектов. Приверженность особым ценностям перед общечеловеческими не имеет существенных причин. Действительная причина ее – невежество, т.е. не неспособность, а нежелание возвыситься до универсального. Можно подытожить, что описанная гносеологическая схема признает существенным взаимодействие субъекта и интересубъективной системы ценностей. А воздействие же объективных обстоятельств – как на индивида, так и на системы ценностей – несущественным. Постановка вопроса об объективных причинах поведения некоторого субъекта последовательно исключается. Поведение трактуется проистекающим из принятой системы «ценностей», воспитания, традиций и т.п. Например, о Путине нередко утверждается, что он стремится к воссозданию СССР, поскольку некогда служил в КГБ.

Подобное обстоятельство не подвергается сомнению в качестве приговора относительно мотивации поступков. Что же касается какой-либо объективной детерминации последних, ставить вопрос об этом предполагается излишним.

Реалполитик. «Политике ценностей» противопоставляется принципиально иной способ истолкования происходящего – «политика интересов» или «реалполитик». Логика *realpolitik* объясняет поведение субъектов напрямую объективными внешними причинами, которые осознаются самими субъектами как их интересы. Она исключает – если не сказать «презирает» – ценностные толкования. Власть полагается в качестве единственной действительной ценности и поведенческой мотивации (Гоббс, Гельвеций, Ницше, Ганс Моргентхау). Индивиды движимы обстоятельствами, которые они принимают во внимание в качестве преимуществ или препятствий на пути к власти и осознают как свои конкретные интересы. С этой точки зрения за всеми действиями того же Путина (или Порошенко – не имеет значения в плане приведения примера) на самом деле усматривается стремление к власти (и обогащению, как вариации власти). Другой пример того же рода – распространенное истолкование политики США желанием завладеть природными ресурсами России.

Из сказанного проистекает, что каждая из двух противоположных позиций – «политика ценностей» и «реал-политик» последовательно акцентирует то, что игнорирует другая. В проведении данной линии каждая одновременно черпает силу и имеет слабость. Действительное объяснение поведения субъектов невозможно без серьезного внимания к объективной детерминации – в этом состоит конструктивная сторона реалполитик. Однако дело в том, что индивидуальное сознание при выработке стратегии в отношении общественных процессов никогда не имеет возможности оценивать объективные обстоятельства непосредственно, в обход сферы институциональных норм, которые задают «концептуальный каркас» понимания, признание важности которого составляет сильную сторону подхода «политики ценностей».

Адекватная гносеологическая модель предполагает не два (как это имеет место в моделях «ценностей» и «интересов»), а три несводимых друг к другу уровня, три взаимодействующих инстанции, учет которых необходим. Во-первых, это сфера объективных обстоятельств, в которых находятся индивиды («реальное»). Во-вторых, сфера институтов вкупе с морально-правовыми нормами («символическое»). В-третьих, это собственно область самосознания субъектов, вырабатывающих конкретную стратегию действий.

В этой предлагаемой гносеологической модели принимается, что, в первую очередь, сфера объективных обстоятельств оказывает формирующее воздействие на сферу институтов и нормативов, в которых эти институты артикулируются. Притом особо важно, что это происходит по преимуществу стихийно, помимо субъективного осознания акторами. Далее, уже во вторую очередь, система институциональных норм обуславливает сферу субъективных установок в сознании конкретных индивидов, определяющих выбор последними тех или иных решений.

Субъекты, вырабатывая стратегию своего участия в общественно-политической деятельности, ориентируются на оба уровня – как объективных обстоятельств, так и интерессубъективных норм. Но тут возникают две взаимосвязанные проблемы, принципиально непреодолимые для обыденного сознания. С одной стороны, объективные обстоятельства (абстрактно осознаваемые как «интересы») не могут быть восприняты сами по себе, но только через призму институционального концептуального каркаса. С другой стороны, концептуальный каркас (абстрактно осознаваемый как «ценности») не может быть осмыслен по существу дела, поскольку важная объективная детерминация его объективными условиями выходит за пределы дискурсивных возможностей (обыденного) рассудка.

Таким образом, находящиеся на уровне обыденного, до-теоретического сознания, субъекты не способны представить ни то, ни другое адекватно. Тем не менее они

неизбежно представляют и то и другое неадекватно: либо в одной, либо в противоположной, но в равной мере искаженной перспективе. А именно: фокусировка внимания на объективных причинах поведения людей влечет с неизбежностью утрату способности понимать роль институциональных норм – и наоборот. Положение дел напоминает достаточно известную ситуацию с «переключением гештальта»: можно сосредоточиться на очертаниях или кролика или утки, имеющихся на специально составленном рисунке, но не том и другом сразу.

Позволительно будет высказать тезис, что данная коллизия, в конечном счете, имеет пути разрешения. Однако таковые пролегают в области осознанного преодоления обыденного мышления и обращения к теоретическому пониманию.

Надежды на возможный прорыв в понимании прежде всего связаны с более пристальным изучением тех механизмов, посредством которых объективные условия жизнедеятельности людей формируют институциональные нормы. За последние десятилетия различные научные начинания достигли значительных успехов в такого рода исследованиях. Упомянем хотя бы (нео)институциональные разработки в экономической теории (М. Олсон, Д. Норт и др), исследования национализма (Э. Геллнер, Б. Андерсен и др), международных отношений (И. Валлерстайн, Й. Гальтунг и др) и т.п.

С другой стороны, критическому анализу подлежит воздействие институциональных норм на сознание субъектов. Примерами существенных разработок в данной области можно считать концепцию концептуального каркаса (Т.Кун, У. Куайн), а также пристальное внимание к проблематике идеологии в континентальной традиции (К. Мангейм, Л. Альтюссер, С. Жижек).